

Заметив, что Ань Шаохуа о чём-то задумался, Инь Цин указал губами в его сторону. Гу Фэн бросил на него взгляд, затем перевел глаза на Ань Шаохуа и с улыбкой спросил:

— Вэйцин, есть ли ещё какие-то дела?

Ань Шаохуа ловко воспользовался моментом и высказал свои подозрения касательно вдовствующей императрицы и клики третьего принца, но лишь поверхностно, не вдаваясь в детали.

Видя, что Инь Цин погрузился в размышления, Ань Шаохуа попрощался. Перед уходом он бросил взгляд на Гу Фэна, и тот с предельной серьёзностью кивнул в ответ.

Получив утвердительный кивок Гу Фэна, Ань Шаохуа спокойно отправился назад. Гу Фэн был человеком слова: если он обещал, дело было сделано. Тем более, когда это касалось второго принца — Гу Фэн действовал безупречно.

Вернувшись в комнату, Ань Шаохуа рухнул на кровать и сразу уснул. Проснулся он лишь тогда, когда солнце уже было высоко.

Гу Мо спал на внутренней стороне кровати, забросив одну ногу на живот Ань Шаохуа. Он был в нижнем белье, на лице выступила тонкая испарина, спал он совершенно беззаботно. Ань Шаохуа попытался тихонько встать, не желая будить его. Но стоило ему пошевелиться, Гу Мо проснулся.

Их позы были запутанными и двусмысленными, а с утра оба мужчины пребывали в состоянии возбуждения. Хотя они были женаты уже два-три года, сейчас они были не дома, и каждый чувствовал некоторую неловкость. Они молчаливо притворились спокойными, одновременно перевернулись, встали и начали приводить в порядок одежду, стараясь игнорировать свой дискомфорт и делать вид, что не замечают состояния друг друга.

После нескольких неловких фраз о пустяках Ань Шаохуа нашёл нелепый предлог и поспешно вышел.

Стоило ему выйти, как Гу Мо беззвучно рассмеялся.

Этот Ань Шаохуа — действительно человек, которого трудно описать словами.

Вскоре он вернулся с тазом горячей воды, чтобы умыть Гу Мо.

На этот раз Гу Мо не стал отказываться. Кто кого обслуживает — какая разница? Они вдвоём умылись из одного таза, попутно обменявшись новостями за эти дни. Ань Шаохуа подумал немного и всё же поделился с Гу Мо кое-какими воспоминаниями из прошлой жизни — то ли правдивыми, то ли вымышленными. Гу Мо выслушал, но особой реакции не последовало.

Постепенно разговор зашёл о том, что император подозрителен, а положение второго принца и Гу Фэна весьма деликатно. Тут Гу Мо отложил дела и стал слушать внимательно. Через какое-то время он тихо произнёс:

— Они придумали, как действовать?

— Будем отражать атаки по мере поступления, никакого особого плана нет. К счастью, на этот раз всё обошлось, — Ань Шаохуа подумал немного и всё же решил пересказать Гу Мо слова Гу Фэна из прошлой ночи.

Но Гу Мо, услышав это, взорвался на месте:

— Всё обошлось? Это ты называешь «всё обошлось»? С каких пор это называется «всё обошлось»? А? Ну-ка, — с этими словами он потянул Ань Шаохуа к выходу, но тот быстро его остановил, жестом показывая, что поговорят лучше в комнате. Гу Мо и не собирался устраивать скандал на весь дом, поэтому вернулся обратно. — Давай разберёмся: как это «всё обошлось»?

— Это не нам с тобой обсуждать, — Ань Шаохуа понимал, что Гу Мо в ярости от переживания за Гу Фэна. Он хотел сказать, что это слова самого Гу Фэна, но Гу Мо, казалось, поймал какой-то намек, склонил голову набок и произнёс:

— Точно, с тобой об этом говорить без толку. Мне нужно поговорить с вашим принцем.

Гу Мо был truly зол. Произнося слова «ваш принц», он скрежетал зубами, вложив в них всю силу, а в глазах читались и гнев, и обида. Ань Шаохуа на мгновение опешил. Когда он пришёл в себя, Гу Мо уже большими шагами уходил прочь.

Вот так turnaround, Ань Шаохуа даже не понимал, чем снова вывел этого молодого господина из себя. Нужно было срочно бежать за ним, кружить вокруг него и быстрым шёпотом объяснять нынешнюю ситуацию: спереди волки, сзади тигры. Слева императрица-преемница с седьмым принцем, справа вдовствующая императрица с третьим принцем. Вверху император подозрителен и черств, внизу позиция чиновников пока неясна. Снаружи родня второго принца в упадке. Внутри семья Гу слишком заметна, а остальные четыре спутника связаны по рукам и ногам, каждый шаг даётся с трудом. Ты уж не создавай новых проблем.

У самых дверей Ань Шаохуа занервничал ещё сильнее, подбежал и схватил Гу Мо за руку. Гу Мо не ожидал нападения и попался. Он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, как тут же дверь открыл Инь Юнь:

— Вы пришли? — произнёс он, и в его глазах плясала улыбка, когда он смотрел на их сцепленные руки.

Вдвоём они глянули внутрь: кроме второго принца и Гу Фэна, там были Инь Юнь и двое личных стражей второго принца.

Гу Мо при стольких людях не стал ставить Ань Шаохуа в неловкое положение и позволил вести себя в комнату.

Инь Цин увидел их, произнёс:

— Садитесь.

И продолжил прерванный разговор.

Оказалось, что люди в комнате обсуждали, как второму принцу отвечать на подозрения императора по возвращении в столицу.

Второй принц, услышав слова Ань Шаохуа, встревожился и в ту же ночь отправил людей проверить третьего принца. Проверка показала кое-что неожиданное: наложница третьего принца, которая недавно объявила о беременности, была родной сестрой жены Ли Мэна. Выходило так, что слова третьего принца о том, что он ничего не знал о делах Ли Мэна, были ложью. Возможно, они сговорились давно.

В общем, вымогательство денег и поедание казны были тем, что нынешний император ненавидел больше всего. Но ирония ситуации заключалась в том, что дело Ли Мэна как раз и попало на глаза второму принцу, *travelling incognito*. А этот Ли Мэн был связан с семьёй Чжэн — роднёй императрицы-преемницы, — и с третьим принцем. Всё это можно было представить как попытку второго принца оклеветать их и нанести упреждающий удар. Если император поверит второму принцу — отлично. Но учитывая его подозрительность и мнительность, он первым делом усомнится во втором принце.

Ань Шаохуа, услышав это, промолчал. Разве намёки божества во сне не говорили о том, что император заподозрит второго принца? Именно поэтому второй принц так много лет провёл в столице в подавленном состоянии, не имея расположения государя.

Все вздыхали и сокрушались, но Гу Мо между делом бросил:

— Ты просто поплачь.

Второй принц удивился:

— Поплачь? С чего это?

Гу Мо объяснил:

— Если император в тебе сомневается, он спросит прямо в лоб. Ему нужен повод. Например, он решит, что дело касается третьего принца, и спросит твоего мнения: не считаешь ли ты, что с третьим принцем что-то не так? Ты тогда не веди себя как чиновник, ты всё равно не чиновник. Ты просто старший брат. Отец говорит, что подозревает младшего сына в краже семейных денег. Как поступит в такой ситуации обычный человек?

Эта теория была поистине поразительной. Второй принц долго не мог прийти в себя. Но вдумавшись, он понял, как это гениально! Если император его подозревает, как бы ни искали — ничего не найдут. Но и то, что ничего не найдут, императора не успокоит, он будет продолжать испытывать. И спрашивать прямо он не станет, будет действовать с намёками. Второй принц, хоть и закалялся в армии, никогда не держал в руках реальной власти, не полководец. В шести министерствах он бывал на слушаниях, но на должности в придворной канцелярии не служил, не гражданский чиновник. Ни воин, ни писарь, не судья — зачем ему разбирать дела? Просто будь старшим братом. Если отец подозревает младшего в краже, как должен поступить старший брат?

Второго принца словно осенило, он повторял:

— Гениально! Гениально!

Гу Фэн, немного подумав, тоже понял суть, но для верности уточнил кое-что. Гу Мо дал восемь иероглифов истины: «Встать на колени, громко плакать, показать слабость, говорить о родстве». А потом, сменив имена, в шутку рассказал о дяде Лю, который лучше всех умел плакать, и о самом знаменитом случае борьбы за престол, в котором победил четвёртый господин.

Все слушали, зачаровавшись.

Авторские примечания:

Вы, наверное, думаете, что моё обещание выпустить ещё одну главу было первоапрельской

шуткой?

Старый Вэй пишет исторический данмэй, а древние День дурака не отмечали.

Старый Вэй читал в исторических хрониках о том, почему трон унаследовал четвёртый А-гэ.

Потому что император Канси считал его сыном добродетельным и почтительным. Говорят, когда Канси наказывал других господина, их единомышленники просили за них, а противники — ликовали. Только наш четвёртый господин плакал и говорил о братской любви. Поэтому он и стал окончательным победителем, пережил памятную романтическую историю с восьмым господином, влюбился в Цзи Ци и в итоге умер от рук Хуаньхуань. (Тебе хватит но)

<http://bllate.org/book/16674/1529603>